

Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии:
по материалам международной конференции «Диалог 2016»

Москва, 1–4 июня 2016

**«КАК ГОВОРИТСЯ, СТАТЬЯ ЕСТЬ
СТАТЬЯ»: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТАВТОЛОГИЙ
В КОММУНИКАЦИИ¹**

Вилинбахова Е. Л. (e.vilinbakhova@spbu.ru)

Санкт-Петербургский государственный
университет, Санкт-Петербург, Россия

Ключевые слова: тавтологические конструкции, русский язык, микросинтаксис, семантика, прагматика

**“AS THEY SAY, AN ARTICLE
IS AN ARTICLE”: SOME ASPECTS OF USE
OF TAUTOLOGIES IN COMMUNICATION**

Vilinbakhova E. L. (e.vilinbakhova@spbu.ru)

St. Petersburg State University, St Petersburg, Russia

In most studies dedicated to tautologies it goes without saying that these constructions are commonly used in everyday speech. Further analysis is based on the hearer's point of view concentrating mostly on possible ways of interpretation of tautologies. At the same time the perspective of the speaker remains largely unexplored. This study based on Internet and corpus data [RNC] deals with some aspects of use of tautologies in communication in order to understand why the speaker should opt for uttering tautologies instead of being more straightforward and what communicative profit he gets for that. It seems that advantages of using tautologies for the

¹ Работа выполнена при поддержке гранта СПбГУ 31.42.1001.2016.

speaker are based on their structural and semantic features: (a) their recognizable form *X cop X* that makes tautologies look like a cliché; (b) their possibility to appeal to mutual knowledge; (c) the unquestionable truth of their literal meaning. First, when the speaker uses tautologies as clichés with expressions “as they say”, *etc.*, he makes his personal opinion look like a common wisdom of linguistic community. Next, when the speaker emphasizes that he appeals to mutual knowledge, he makes the hearer look as like-minded person, therefore the hearer’s possible disagreement is regarded as a refusal of (expected) support and solidarity and requires more effort. Finally, the fact that the literal meaning of tautologies is undeniable helps the speaker escape of the responsibility of false implicature; defend his opinion using so-called *deep tautologies*; close the discussion whenever it is more convenient to him.

Key words: tautologies, Russian language, microsyntax, semantics, pragmatics

1. Вводные замечания

В большинстве работ, посвященных языковым тавтологиям вида *Война есть война* или *Любовь — это любовь*, отмечается, что данные конструкции, будучи неинформативными в буквальном смысле, тем не менее, активно используются говорящими и успешно интерпретируются слушателями (см., например, [Апресян 1995], [Булыгина, Шмелев 1997], [Ладучева 2004], а также работы, приведённые ниже). Как правило, дальнейший анализ материала идёт именно с позиции слушателя: рассматривается, каким образом тавтологические высказывания получают интерпретацию и какие факторы помогают адресату правильно понять собеседника. В настоящее время можно выделить три подхода: прагматический (тавтологии универсальны и могут быть осмыслены благодаря общим прагматическим принципам), см. [Grice 1975], [Levinson 1983], [Ward, Hirschberg 1991], семантический (значение тавтологических паттернов конвенционально и может различаться даже в пределах одного языка) см. [Wierzbicka 1987, 1988, 1991], и семантико-прагматический (разные модели тавтологий могут иметь свои значения «по умолчанию», однако фоновые знания и контекст оказывают решающее воздействие на окончательную интерпретацию) см. [Fraser 1988], [Escandell Vidal 1990], [Miki 1996], [Autenrieth 1997], [Bulhof, Gimbel 2001], [Meibauer 2008], [Rhodes 2009], [Kwon 2014].

Позиция говорящего обычно остаётся за рамками исследований, как и вопросы, зачем автору высказывания использовать тавтологии в коммуникации, какие преимущества он при этом получает, и т.д., хотя в некоторых работах и упоминается, что «коммуникативная выгода» для говорящего, безусловно, присутствует, см. [Miki 1996], [Bulhof, Gimbel 2001].

В настоящей статье на материале Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) и интернет-источников предпринята попытка описать некоторые аспекты функционирования тавтологий в коммуникации с позиции говорящего. Данный ракурс позволяет отнести тавтологии к «приёмам

непрямого воздействия на слушающего», совокупность которых Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелёв называют «языковой демагогией» [Булыгина, Шмелёв 1997: 461]. Её суть состоит в том, что «идеи, которые необходимо внушить слушающему, не высказываются прямо, а навязываются ему с помощью особых языковых механизмов» [Там же]: например, эмоционально окрашенных слов (ср. *сговор vs. соглашение, политикан vs. политик*) или конструкций.

Представляется, что способность тавтологий выступать в качестве подобных «приёмов» следует из их структурных и семантических характеристик. Во-первых, это особая форма конструкций *X cop X*, благодаря которой тавтологические высказывания могут быть поданы как клише (см. раздел 2); во-вторых, это их способность апеллировать к общим фоновым знаниям собеседников о предмете речи, (см. раздел 3); в-третьих, это их логически неоспоримая истинность в буквальном значении (см. раздел 4). В заключении представлены итоги и перспективы исследования, а также обозначен его прикладной потенциал.

2. Тавтологии как клише

Тавтологии, устанавливающие тождество², в русском языке имеют несколько синтаксических моделей, наиболее распространённые из которых: *X есть X* и *X — это X*. Формальные ограничения на заполнение переменных определяются референциальным статусом элементов конструкции: в метаязыковых тавтологиях, когда речь идёт о значении языковой единицы, используемое выражение может быть практически любым (см. [Вилинбахова 2015]); во всех прочих случаях преобладают именные группы.

Некоторые тавтологии в русском языке лексикализованы и воспринимаются носителями как «пословицы» с фиксированным значением, например, *Закон есть закон*³ ‘закон для всех одинаков’, см. (1). Сюда же можно отнести обороты *Бизнес есть бизнес* ‘на бизнес не должны влиять личные отношения, эмоции и пр.’ и *Приказ есть приказ* ‘приказ надо выполнять несмотря ни на что’, см. (2), (3).

- (1) А: *Пословица Закон есть закон. помогите объяснить пожалуйста срочно заранее спасибо*

² В настоящей работе не рассматривались прочие разновидности тавтологий: условные, взаимоисключающие, подчинительные, относительные и сопоставительные, см. [Ward, Hirschberg 1991], [Autenrieth 1997], [Meibauer 2008].

³ Закреплённость в языковой системе данного оборота отмечена ещё Ю. Д. Апресяном: «Устойчивые (лексикализованные) обороты типа *Закон есть закон* должны быть исключены из рассмотрения, поскольку они имеют единственное (словарное) толкование» [Апресян 1995: 166]. В английском языке А. Вежицкая приводит в качестве устойчивых оборотов следующие: *Fair is fair* (букв.) ‘Справедливо значит справедливо’, *Enough is enough* ‘Хватит значит хватит’, *A deal is a deal* ‘Уговор есть уговор’, *Business is business* ‘Бизнес есть бизнес’ [Wierzbicka 1991: 404].

Б: закон одинаков для всех богатых бедных крутых лохов и т. п. виноват сел будь ты хоть кто⁴

- (2) Я полностью с Лолой согласна, но здесь дело в политике не процентов на 25 %, остальное только коммерция. Не даром у америкосов есть поговорка «**бизнес есть бизнес**».
- (3) <Главный минер> посылал бегать, прыгать и подтягиваться вместо себя подчинённых. Это были мичман стопка и Журавлёв. **Как говорится, приказ есть приказ!** [Ирина ТВЕРИТИНОВА. Хищения на Северном флоте: офицер украл миллион при помощи зачета... по физподготовке! // Комсомольская правда, 2012.12.07]

В примере (3) тавтология *Приказ есть приказ* сочетается с метатекстовым элементом *как говорится*, который, наряду с оборотами *как говорят*, *что называется* и т. д., указывает на употребительность и широкую эксплуатируемость выражения и используется с поговорками, модными словами, единицами бытовой афористики и пр., см. [Шмелёва 1987]. Однако, как оказалось, данные элементы сопровождают и «свободные» тавтологические высказывания.

- (4) Наш проигрыш в хоккее, наше третье место, это, конечно, не совсем здорово, тем более, действительно не в кого кинуть камень, потому что играли наши ребята замечательно. Это, **что называется «игра есть игра»**, хотя конечно, мы претендовали на первое место, но нужно спокойно принимать удары. [Пропагандистская истерика Первого канала вокруг двойной «бронзы» России просто нелепа. Мнения экспертов // Новый регион 2, 2007.05.14].
- (5) **Путин есть Путин, как говорится**, наш Президент не умеет только одного — проигрывать. И тут турецкая коса нашла на камень.
- (6) А: А вот теперь как раз и не верится, что всё так просто закончилось.
Б: Согласна, но, **как говорится, жизнь — это жизнь**. Фанфик мне очень понравился. Все описано просто шикарно!

С одной стороны, можно было бы предположить, что устойчивость, на которую указывают обороты *как говорится* и др., относится только к форме, см. их допустимость с некоторыми нестандартными синтаксическими конструкциями с легко узнаваемой структурой и нетривиальным семантическим инвариантом, например, *Z X-оват не X-овал (но...P)* ‘Z не сделал X, но Z сделал P; P — нечто менее сильное, чем X’ [Июмдин 2013: 314]:

⁴ Примеры взяты из Интернета, если не указано иное. Из соображений краткости адреса не указаны, но, разумеется, в материалах они присутствуют. Орфография и пунктуация оригинала почти полностью сохранены.

- (7) **Как говорится, видеть не видел, но косвенных подтверждений дофига, а фантазию не остановить!**

С другой стороны, такие конструкции не сочетаются с оборотами как *известно, как все знают* и пр., см. (8), сопровождающие клише **общеизвестным, устойчивым содержанием**: пословицы, поговорки, цитаты и т. д., — и тавтологии, см. (9), хотя, за исключением оборотов в примерах (1)–(3), значение последних во многом определяется коммуникативным намерением говорящего⁵.

- (8) ?? **Как известно, видеть не видел, но косвенных подтверждений дофига, а фантазию не остановить!**

- (9) При консервировании все огурцы проходят множественный контроль, но, **как известно, человеческий фактор есть человеческий фактор**⁶.

Таким образом, тавтологии могут быть поданы как клише, что маркируется соответствующими безличными оборотами, которые «предполагают значение лица ‘не я’; ‘все, но не я’ [Шмелёва 1987: цит. по эл. версии], и / или пунктуационно, т. е. говорящий частично снимает с себя ответственность сказанное, подчёркивая его широкую употребительность: ‘все так говорят’, ‘все так считают’. Кроме того, он может использовать якобы устойчивое выражение как дополнительный аргумент для убеждения слушателя / аудитории, см. (10).

- (10) *В-третьих, это, конечно же, комфорт и уют, как говорится, дом есть дом, и ничего казённого там нет.*

В данном примере автор, рекламируя агентство по предоставлению в аренду квартир посуточно, отстаивает спорную точку зрения, согласно которой в незнакомом городе лучше снимать квартиру, чем останавливаться в гостинице. Он приводит свой третий, последний аргумент после других доводов — о низкой стоимости и пр., и на месте тавтологии могла бы стоять пословица (*В доме и стены помогают, В гостях хорошо, а дома лучше*, и т. д.). Однако значение пословиц фиксировано, в них речь идёт в первую очередь о настоящем, своём доме, а не о съёмной квартире, что не очень подходит автору, поэтому в качестве аргумента привлекается тавтология, «не отягощённая» заранее заданным значением.

⁵ См. эксперимент на материале английского языка в [Gibbs, McCarrell 1990] на материале английского языка, где в разных контекстах одни и те же примеры тавтологий получали у испытуемых разную интерпретацию. В русском языке также можно найти примеры, когда модели *X есть X* и *X — это X* с различной семантикой (см. [Булыгина, Шмелёв 1997: 506–509]) оказываются взаимозаменяемы или одна и та же модель передаёт разные значения.

⁶ Также встретились примеры, где авторы выделяли тавтологии кавычками, см. (4), (21) и след.: *Мнения экспертов по поводу готовности города разделились: одни уверены, что «Москва — это Москва» и поэтому все пройдет отлично, а другие считают, что мундиаль сорвется из-за пробок.*

В целом, тавтологическая форма позволяет говорящему, с одной стороны, передать практически любое значение, а с другой стороны, подать высказывание как общеупотребительное клише с устойчивым содержанием, что придаёт ему дополнительный вес и убедительность⁷.

3. Тавтологии как апелляция к общим фоновым знаниям

Важное свойство тавтологий, которое активно эксплуатируется в коммуникации, это их способность отсылать к общим фоновым знаниям о предмете речи. В литературе эту общую информацию обозначают по-разному: коннотации [Апресян 1995]; «мысленное досье референта» [Булыгина, Шмелёв 1997], ассоциации [Падучева 2004]; разделяемые убеждения (*shared beliefs*) [Miki 1996], стереотипы [Gibbs, McCarrell 1990], [Autenrieth 1997], [Meibauer 2008], и т. д.

Допустимая степень известности информации зависит от семантического типа конструкций: для «классических» тавтологий с термовым референциальным статусом элементов подразумеваемая информация могут быть очень «закрытой» (знать о конкретных свойствах объекта могут только собеседники); для метаязыковых тавтологий «главное» значение слова должно быть известно всему языковому коллективу [Вилинбахова 2015: 605].

В любом случае, независимо от того, насколько общими или локальными являются фоновые знания, автор тавтологического высказывания даёт собеседнику понять следующее:

- (а) говорящий рассчитывает, что слушатель разделяет с ним определённые знания о предмете речи;
- (б) говорящий может не проговаривать эти сведения эксплицитно;
- (в) слушатель способен сам вывести правильную инференцию и понять говорящего.

«Понять» в данном случае используется сразу в двух значениях: ‘успешно провести расшифровку языкового сигнала’ и ‘войти в положение говорящего и согласиться с ним’, см. примеры с выражениями *сам(и) понимаешь(-ете) / знаешь(-ете), мы оба / с тобой / все понимаем / знаем*, и др. которые регулярно сопровождают тавтологии:

- (11) *Ладно, Гриша, — вздохнул Антон. — Я сейчас вызываю группу, поедем на место, покажешь гараж. А тебя потом в камеру. Сам понимаешь, порядок есть порядок. — Да не вопрос, начальник, — осклабился Дубинюк. — мы всё понимаем. Командир в беде не бросит.* [Александра Маринина. Последний рассвет (2013)]

⁷ По мнению М. В. Эсканделл Видаль, похожим образом функционируют риторические вопросы: «интересно то, что <риторические вопросы> используются, чтобы выдать за общепринятую точку зрения суждение, которое является не чем иным, как личным мнением говорящего (перевод мой — Е. В.)» [Escandell Vidal 2014: 189].

- (12) [Майор, муж] *извините / товарищ генерал / что пришлось побеспокоить... Ну / сами понимаете / работа ... есть работа.* [Павел Чухрай. Водитель для Веры, к/ф (2004)]
- (13) *Поправь меня, если я ошибаюсь. Мы все понимаем: кризис — это кризис. Дефолт и пирамида ГКО* [Виктор Левашов. Заговор патриота (2000)]
- (14) *Хочу на праздники мужа за ней <коляской> отправить, но, сами понимаете, мужчина есть мужчина.*

Таким образом, говорящий показывает, что по умолчанию воспринимает собеседника как «своего человека», разделяющего с ним общие убеждения и ценности, и потому рассчитывает на его понимание, сочувствие и т. д.

Следует отметить, что указанный процесс происходит в одностороннем порядке: адресат может в действительности иметь другое мнение и не считать, например, что мужчины ничего не понимают в детских вещах, см. (14). И всё же для слушателя выйти из навязанной говорящим роли единомышленника становится сложнее и требует больше усилий, чем возражение эксплицитному утверждению: речь идёт уже не о разногласиях по поводу частного вопроса, а об отказе быть для говорящего «своим».

Между тем, зачастую такое «союзничество» оказывается собеседнику совершенно не выгодно, см. (11), (12) и примеры ниже, когда тавтологии служат оправданием говорящему в неприятной для слушателя ситуации.

- (15) — *Моя мама... — напомнил Анакин.*
— *А да, Шми. Она больше не моя. Я ее продал.*
— *Продал?*
Падме успела поймать его за руку.
— *Несколько лет назад, — пояснил Уотто, с гудением кружа над табуретом. — Мне жаль, Ани, но сам знаешь, дело есть дело.*

Также одностороннее сокращение дистанции даёт говорящему больше свободы, чем это было бы допустимо для постороннего, например, позволяет ему задавать личные вопросы, см. (16).

- (16) *Вопрос, наверно, бестактный, но жизнь есть жизнь. Могли бы вы представить, что место Раисы Максимовны в вашей жизни сегодня может занять другая женщина?* [Ольга ВАНДЫШЕВА. Михаил Горбачев: Жениться я не собираюсь // Комсомольская правда, 2001.03.02]

В целом, говорящий, используя тавтологии как апелляцию к общим знаниям, даёт понять, что воспринимает собеседника как своего единомышленника и ожидает от него солидарности и поддержки. Такая стратегия, с одной стороны, позволяет говорящему оправдывать свои п(р)оступки, а с другой, снижает риск нежелательной реакции адресата.

4. Тавтологии как неоспоримая истина

Во многих работах отмечается, что тавтологии чаще всего используются в переносном смысле, а их буквальное значение — утверждение тождества объекта самому себе — описывается как неинформативное и не учитывается при дальнейшем анализе, см., например, [Fraser 1988], [Autenrieth 1997], [Meibauer 2008] и др. Между тем, само наличие буквального значения и его формальная истинность также могут эксплуатироваться говорящим и оказывать влияние на слушателя.

Во-первых, в многочисленных ситуациях, когда тавтология имеет переносный смысл, и собеседнику приходится самому выводить нужную инференцию, говорящий при необходимости может избежать ответственности за своё суждение, см. замечание И. М. Кобозевой о косвенных речевых актах (к которым, в данном случае, относятся и тавтологические высказывания): «косвенность «развязывает руки» автору высказывания, позволяя ему, если это понадобится, сказать, что он имел в виду только буквальное значение сказанного» [Кобозева 2003: цит. по эл. версии].

Так в примере (17) у участников коммуникации есть общее «мысленное досье» войны, поэтому ожидаемые импликатуры говорящего могут быть следующими: ‘случиться могло всё что угодно’, ‘возможно, она погибла’ и т. п. Тем не менее, на уточняющий вопрос, например, «Вы думаете, что её убили?» автор тавтологического высказывания всегда может ответить «Я этого не говорил».

(17) — Как вы думаете, что могло случиться с Цзинь Фын? — *Война есть война*, — ответил начальник разведки и, направив свет фонаря на новое препятствие, предупредил: — Пожалуйста, не споткнитесь. [Н. Н. Шпанов. Связная Цзинь Фын (1935–1950)]

Следует подчеркнуть, что тавтологические высказывания формально всегда остаются истинными, даже если несут ложную импликацию. Таким образом, в случае, когда обсуждаемый субъект X в конкретной ситуации поступил иначе, чем можно было бы от него ожидать, высказывание *X есть X* как ответ на вопрос, затрагивающий его поведение, реакции и пр., скорее всего, введёт собеседника в заблуждение, при этом не являясь ложью в полном смысле этого слова⁸.

Во-вторых, существует особый подкласс *глубинных тавтологий* (англ. *deep tautologies*), впервые описанных Й. Булхофом и С. Гимбелом [Bulhof, Gimbel 2001], которые предполагают именно буквальную интерпретацию, т. е. выражают значение тождества объекта самому себе. Авторы указывают на два условия *неотчуждаемости* и *равноценности*, выполнение которых (одного или обоих сразу) подразумевает говорящий, используя в речи глубинные тавтологии, и формулируют их следующим образом:

⁸ Например, в следующем сконструированном на основе социальной рекламы диалоге: — Как новый рабочий справился с заданием? / — *Мигрант есть мигрант*, ответная реплика не позволяет понять, что рабочий-мигрант выполнил работу очень хорошо, и склоняет к противоположному выводу, оставаясь формально истинной.

- 1) Условие неотчуждаемости: если объект отвечает условиям, достаточным для того, чтобы быть сущностью *x*, то никакие дополнительные свойства не могут исключить его из категории *X*;
- 2) Условие равноценности: если объект является сущностью *x*, то он не может быть *x* в большей или меньшей степени» [Bulhof, Gimbel 2001: 287].

Применяя глубинные тавтологии, говорящий апеллирует к формальному пониманию языкового выражения и намеренно игнорирует обстоятельства, которые с точки зрения морали, здравого смысла, культурных представлений и пр. следовало бы учитывать⁹.

(18) *Что касается вопроса, измена есть измена, хоть душой хоть телом.*

(19) *Убийство — это убийство, даже если оно совершено в ходе самообороны.*

В примере (18) говорящий утверждает, что возможное общение мужа с другой женщиной (в данном случае, речь идёт о скайп-сообщениях) эквивалентно физической измене, хотя возможна и альтернативная позиция. В примере (19) интуитивно кажется, что убийство в целях самообороны должно квалифицироваться иначе, чем прототипическое намеренное и подготовленное убийство, но автор высказывания это отрицает¹⁰. Важно, что в приведённых текстах обе противоречащие друг другу точки зрения имеют право на существование, однако высказывания с глубинными тавтологиями сложнее оспорить в силу их формальной истинности.

Логическая справедливость тавтологий в буквальном смысле, независимо от наличия у них переносного значения, объясняет ещё одно их свойство — выступать маркером закрытия темы. Эта характеристика отмечается в [Levinson 1983] и [Wierzbicka 1991], и подтверждается реальными примерами из НКРЯ и интернета.

- (20) *А: Скажите, а как совместить консерватизм растущий и в обществе, и в деятельности вашей партии, и в детальности Путина с тем, что ваша личная жизнь, я вас поздравляю с законным браком, она не соответствует консерватизму. У вас не первый брак, скажем так.
Б: Давайте мы скажем себе, что личная жизнь есть личная жизнь, и на этом поставим точку.*

⁹ Кажется, метаязыковые тавтологии (см. [Вилинбахова 2015]) можно было бы считать подмножеством глубинных тавтологий с подразумеваемым условием неотчуждаемости, где «дополнительные свойства» языковой сущности определяются контекстом. Скажем, в примере «Хочу есть» значит «хочу есть», а не своди меня в ресторан фраза «хочу есть», имеет дополнительные условия 'обращённая к молодому человеку и произнесённая девушкой', поэтому теоретически может означать пожелание пойти в ресторан. Впрочем, в данной работе этот вопрос остаётся за рамками исследования.

¹⁰ Вспоминается также рассказ Р. Брэдли «Наказание без преступления» (1950), где герой убивает куклу — копию своей жены, и за это его приговаривают к смертной казни; логика судей может быть выражена глубинной тавтологией *убийство есть убийство*, несмотря на то, что герой не хотел убивать свою жену в реальности и именно для освобождения от негативных эмоций обратился в специальное агентство.

(21) *Он и правда собирался за один год два класса проскочить — не разрешили. Он в министерство гонял, там тоже оказались консерваторы. И Эфэф за него хлопотал, ничего не помогло. Ему сказали, что «закон есть закон», и точка.* [Владимир Железников. Каждый мечтает о собаке (1966)]

В примере (20) государственный деятель при помощи тавтологии прекращает разговор на неудобную для себя тему; в примере (21) чиновники из министерства отказывают школьнику в просьбе, также используя тавтологию. В обоих случаях продолжение дискуссии для участников коммуникации становится затруднительным, превращаясь в бессмысленный спор с тривиальным утверждением.

Таким образом, логически неоспоримая истинность тавтологий в буквальном значении даёт говорящему преимущество в коммуникации: при передаче имплицитного содержания это «страховка» на случай, если почему-либо придётся отказываться от своего суждения; при использовании глубинных тавтологий это презентация своей точки зрения как единственно верной, и, наконец, при нежелательном повороте в разговоре это возможность закончить его или сменить тему.

5. Заключение

В настоящей статье была предпринята попытка рассмотреть некоторые аспекты функционирования тавтологий в коммуникации, чтобы показать, зачем говорящему использовать данные конструкции в речи и какие преимущества он при этом получает. Было установлено, во-первых, что тавтологические высказывания могут быть поданы как общеизвестные клише, передавая при этом личное мнение их автора. Во-вторых, говорящий, используя тавтологии как отсылку к общим фоновым знаниям, в одностороннем порядке навязывает собеседнику роль своего единомышленника. В-третьих, очевидная истинность конструкций в буквальном значении даёт возможность автору высказывания при необходимости апеллировать именно к этому «верному по определению» значению, отрицая возможные импликатуры; представить свою точку зрения как единственно правильную; положить конец нежелательной дискуссии. В свою очередь, адресат оказывается в ситуации, когда несогласие с говорящим может представить его в неприглядном свете, будучи воспринято либо как отрицание общеизвестной прописной истины, либо как отказ в ожидаемой солидарности и поддержке, либо как спор с логически неопровержимым суждением.

Говоря о перспективах исследования, представляется интересным проанализировать в дальнейшем «отрицательные» тавтологии вида *X neg cor X* (см. [Булыгина, Шмелёв 1997], [Meibauer 2008]), для которых одни характеристики, — например, отсылка к общим фоновым знаниям — сохраняются, а другие меняются на противоположные: вместо «неоспоримой истины» в буквальном значении мы имеем парадокс, противоречие.

Обращаясь к прикладному потенциалу исследования¹¹, стоит отметить, что изучение импликатур становится все более важным для таких задач в области автоматической обработки текста, как RTE (Recognizing Textual Entailment, возможный русскоязычный термин — *логический вывод по фрагменту текста*), когда проверяется (не)соответствие гипотезы H определённой информации, содержащейся во фрагменте текста T (см., например, [Bos, Markert 2005]). Описанные «коммуникативные» свойства тавтологий могут быть полезны для выявления скрытых намерений авторов и повышения вероятности выведения правильных инференций для соответствующих конструкций, тем самым внося свой вклад в общую интерпретацию текста.

Литература

1. *Апресян Ю. Д.* (1995), Коннотации как часть прагматики слова, Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография, «Языки русской культуры», Москва.
2. *Булыгина Т. В., Шмелёв А. Д.* (1997), Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики), Школа «Языки русской культуры», Москва.
3. *Вилинбахова Е. Л.* (2015), Статья значит статья: об одном классе тавтологических конструкций в русском языке, Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог», Изд-во РГГУ, Москва, вып. 14 (21): в 2 т., т. 1, с. 638–649.
4. *Иомдин Л. Л.* (2013), Читать не читал, но...: об одной русской конструкции с повторяющимися словесными элементами, Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог», Изд-во РГГУ, Москва, вып. 12 (19): в 2 т., т. 1, с. 309–322.
5. *Кобозева И. М.* (2003), Лингво-прагматические аспекты анализа языка СМИ, Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учеб. пособие, МГУ, Москва, режим доступа эл. версии <http://evartist.narod.ru/text12/08.htm>
6. *Национальный корпус русского языка, режим доступа: www.ruscorpora.ru*
7. *Падучева Е. В.* (2004), Динамические модели в семантике лексики, «Языки славянской культуры», Москва.
8. *Шмелева Т. В.* (1987), «Так сказать» и «как говорится», Служебные слова: сборник статей, Новосибирск, с. 125–132, режим доступа электронной версии: <http://www.novsu.ru/file/1077482>
9. *Autenrieth T.* (1997), Tautologien sind Tautologien, Pragmatik. Implikaturen und Sprechakt, Westdeutscher Verlag, Opladen, pp. 12–32.

¹¹ Автор благодарен анонимному рецензенту за указание на возможность практического применения работы в компьютерной лингвистике.

10. *Bos J., Markert K.* (2005), Recognizing textual entailment with logical inference, Proceedings of the 2005 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing (EMNLP), Vancouver, pp. 628–635.
11. *Bulhof J., Gimbel S.* (2001), Deep tautologies, Pragmatics and Cognition, Vol. 9–2, pp. 279–291.
12. *Escandell Vidal M. V.* (1990), Nominal tautologies in Spanish, доклад на Международной конференции по прагматике, Барселона.
13. *Escandell Vidal M. V.* (2014), Introducción a la pragmática, Ariel Letras, Barcelona.
14. *Fraser B.* (1988), Motor oil is motor oil: An account of English nominal tautologies, Journal of Pragmatics, Vol. 12, pp. 215–220.
15. *Gibbs R. W., McCarrell N. S.* (1990), Why boys will be boys and girls will be girls: understanding colloquial tautologies, Journal of Psycholinguistic Research, Vol. 19, pp. 125–145.
16. *Grice H. P.* (1975), Logic and conversation, in Syntax and Semantics, Vol. 3: Speech Acts, Academic Press, New York, pp. 41–58.
17. *Kwon I.* (2014), Categorization and its embodiment: Korean tautological constructions in mental spaces theory, Language Sciences, Vol. 45, pp. 44–55.
18. *Levinson S.* (1983), Pragmatics, Cambridge University Press, Cambridge.
19. *Meibauer J.* (2008), Tautology as presumptive meaning, Pragmatics and Cognition, Vol. 16, pp. 439–470.
20. *Miki E.* (1996), Evocation and tautologies, Journal of Pragmatics, Vol. 25, pp. 635–648.
21. *Rhodes R.* (2009), A Cross-linguistic comparison of tautological constructions with special focus on English, available at: www.linguistics.berkeley.edu/~russellrhodes/pdfs/taut_qp.pdf
22. *Ward, G. L., Hirschberg J.* (1991), A pragmatic analysis of tautological utterances, Journal of Pragmatics, Vol. 15, pp. 507–520.
23. *Wierzbicka A.* (1987), Boys will be boys: ‘Radical semantics’ vs. ‘Radical pragmatics’, Language, Vol. 63, pp. 95–114.
24. *Wierzbicka A.* (1988), Boys will be boys: A rejoinder to Bruce Fraser, Journal of Pragmatics, Vol. 12, pp. 221–224.
25. *Wierzbicka A.* (1991), Cross-cultural pragmatics: the semantics of human interaction, Mouton de Gruyter, Berlin; New York.

References

1. *Apresyan Ju. D.* (1995), Connotations as a part of pragmatic meaning of a word [Konnotatsii kak chast’ pragmatiki slova], in Selected works: In 2 vol. Vol. II: Integrated description of language and systematic lexicography [Izbrannye trudy. Vol. 2: Integral’noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya], Yazyki Russkoy Kul’tury, Moscow, pp. 156–178.
2. *Autenrieth T.* (1997), Tautologies are Tautologies [Tautologien sind Tautologien], in Pragmatics, Implicatures and Speech Acts [Pragmatik, Implikaturen und Sprechakte], Westdeutscher Verlag, Opladen, pp. 12–32.

3. *Bos J., Markert K.* (2005), Recognizing textual entailment with logical inference, Proceedings of the 2005 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing (EMNLP), Vancouver, pp. 628–635.
4. *Bulhof J., Gimbel S.* (2001), Deep tautologies, *Pragmatics and Cognition*, Vol. 9–2, pp. 279–291.
5. *Bulygina T. V., Shmelev A. D.* (1997), Linguistic conceptualization of the world (on the material of the Russian grammar) [Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoy grammatiki)], *Shkola “Jazyki russkoy kul’tury”*, Moscow.
6. *Escandell Vidal M. V.* (1990), Nominal tautologies in Spanish, talk given at the International conference of pragmatics (IPRA), Barcelona.
7. *Escandell Vidal M. V.* (2014), Introduction to pragmatics [Introducción a la pragmática], *Ariel Letras*, Barcelona.
8. *Fraser B.* (1988), Motor oil is motor oil: An account of English nominal tautologies, *Journal of Pragmatics*, Vol. 12, pp. 215–220.
9. *Gibbs R. W., McCarrell N. S.* (1990), Why boys will be boys and girls will be girls: understanding colloquial tautologies, *Journal of Psycholinguistic Research*, Vol. 19, pp. 125–145.
10. *Grice H. P.* (1975), Logic and conversation, in *Syntax and Semantics*, Vol. 3: *Speech Acts*, Academic Press, New York, pp. 41–58.
11. *Iomdil L. L.* (2013), Chitat’ ne chital, no...: on a Russian Construction with Repeated Lexical Elements. [Chitat’ ne chital, no...: ob odnoy russkoy konstruktsii s povtoryayushchimisya slovesnymi elementami], *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialogue 2013”* [Komp’yuternaya Lingvistika i Intellektual’nye Tekhnologii: Trudy Mezhdunarodnoy Konferentsii “Dialog 2013”], Moscow, pp. 309–322.
12. *Levinson S.* (1983), *Pragmatics*, Cambridge University Press, Cambridge.
13. *Kobozeva I. M.*, (2003), Linguopragmatic aspects of analysis of the language of media [Lingvo-pragmaticheskie aspekty analiza yazyka SMI], *The language of media as an object of interdisciplinary studies: textbook* [Yazyk SMI kak ob”ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya: uchebnoe posobie], MGU, Moscow, available at: <http://evartist.narod.ru/text12/08.htm>
14. *Kwon I.* (2014), Categorization and its embodiment: Korean tautological constructions in mental spaces theory, *Language Sciences*, Vol. 45, pp. 44–55.
15. *Meibauer J.* (2008), Tautology as presumptive meaning, *Pragmatics and Cognition*, Vol. 16, pp. 439–470.
16. *Miki E.* (1996), Evocation and tautologies, *Journal of Pragmatics*, Vol. 25, pp. 635–648.
17. *Paducheva E. V.* (2004) Dynamic models in lexical semantics [Dinamicheskie modeli v semantike leksiki], *Jazyki slavyanskoy kul’tury*, Moscow.
18. *Rhodes R.* (2009), A Cross-linguistic comparison of tautological constructions with special focus on English, available at: www.linguistics.berkeley.edu/~russellrhodes/pdfs/taut_qp.pdf
19. *Russian National Corpus* [Natsional’nyy korpus russkogo yazyka], available at: www.ruscorpora.ru

20. *Shmeleva T. V.* (1987), “So to say” and “as they say” [“Tak skazat” i “kak govorit’sya”], *Auxiliary words [Sluzhebnye slova]*, Novosibirsk, pp. 125–132, available at: <http://www.novsu.ru/file/1077482>
21. *Vilinbakhova E. L.* (2015), Article means article: on one pattern of tautologies in Russian [Stat’ya znachit stat’ya: ob odnom klasse tautologicheskikh konstruksiy v russkom yazyke], *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialogue 2015” [Komp’yuternaya Lingvistika i Intellektual’nye Tekhnologii: Trudy Mezhdunarodnoy Konferentsii “Dialog 2015”]*, Moscow, pp. 638–649.
22. *Ward, G. L., Hirschberg J.* (1991), A pragmatic analysis of tautological utterances, *Journal of Pragmatics*, Vol. 15, pp. 507–520.
23. *Wierzbicka A.* (1987), Boys will be boys: «Radical semantics» vs. «Radical pragmatics», *Language*, Vol. 63, № 1, pp. 95–114.
24. *Wierzbicka A.* (1988), Boys will be boys: A rejoinder to Bruce Fraser, *Journal of Pragmatics*, Vol. 12, pp. 221–224.
25. *Wierzbicka A.* (1991), *Cross-cultural pragmatics: the semantics of human interaction*, Mouton de Gruyter, Berlin; New York.